

БОЕВОЙ ДУХ РУССКОЙ АРМИИ XV-XX ВВ.

«Цель боя — не уничтожение физических сил врага, а его духа».

К. Клаузевиц

«Воевать без достаточной силы духа — это все равно, что воевать без пушек».

Н. Н. Головин

Военные специалисты и психологи давали боевому (воинскому) духу много разных названий: духовное (моральное) напряжение, морально-боевое состояние, духовный военный потенциал, нравственное давление (импульс), «возбужденный нравственный дух», волевой посыл, воля к победе, энергия (сила) нервов, психическая (духовная) сила армии, «электризация сердец», и соотносили его с понятиями воинственность, мужество, доблесть, стойкость, боеспособность и др.

Боевой дух можно определить как совокупность морально-психологических качеств воинов, определяющих основу их боеспособности¹. Боевой дух нацелен на опрокидывание противника до физического соприкосновения с ним. «Удар одной массы с другой в бою случается крайне редко. Идите решительно, и будьте уверены, что вы никогда не встретите таких сорви-голов, которые решили бы столкнуться с вами... Перед первым сабельным ударом одна из сторон уже разбита и готова к бегству»². «Бой кончается не исчерпанием материальных сил и средств, а отказом от борьбы одной из сторон»³. Именно боевой дух, в основном, решает судьбу битв, войн, народов и государств.

Понятие боевой дух можно дополнить уточнением «силовое поле», под которым можно понимать тонкоматериальное образование вокруг воинской части, имеющее объем и «напряжение», и которым оперируют бойцы восточных единоборств. Некоторые военные психологи XIX в. интерпретировали «силовое поле» в бою как столкновение «группировок идей» противников. При этом цель боя усматривалась в разрушении «идей» противника угрозой его уничтожения и навязыванием ему «идей» отказа от сопротивления⁴.

Боевой дух и силовое поле могут нагнетаться собственно воинами или извне, достигать максимума, изменяться во времени, воскресать, менять направленность, транслироваться в пространстве и реально восприниматься противником⁵.

Боевой дух и силовое поле, созданное согласованными усилиями сплоченной воинской части, выше суммы усилий отдельных воинов. Определять его, использовать и доводить до максимума — задача командования. Как гравитационное или магнитное, силовое поле может давать прочность и структурировать войска по силовым линиям (На Бородинском поле в 1812 г. когда ядра делали бреши в строю, солдаты тут же смыкали ряды в соответствии с уставом).

Военные психологи посвятили большое количество работ моральному состоянию войск⁶. Одной из последних может считаться монография Ч.Б.Далецкого о методах подъема боевого духа⁷.

Боевой дух восходит к разнородным источникам, дающим ему разную силу. Его наивысший уровень проявляется при зарождении мессианской (религиозной) идеи. Стойкостью духа поражали первые христиане, брошенные к зверям в римских цирках. Вдохновленные исламом арабы в VII–VIII вв. прошли от Инда до Испании три континента. Великая французская революция подарила блестящие победы армиям республики. Великая русская революция 1917 г. подняла миллионы людей за освобождение от гнета капитала. Чем пламеннее мессианская идея, тем выше накал боевого духа, поднимающегося вплоть до уровня «героической экзальтации». Соединяясь с Высшим Идеалом, воины становятся подвижниками и считают за счастье умереть за великие идеи.

«Счастье сражаться за Родину переполняло меня, как и всех французов. Пушечные ядра встречали восклицаниями: «Да здравствует Родина! Да здравствует Свобода и Равенство!» — вспоминал маршал Л.Н.Даву⁸.

Почти такой же накал исходит от государственного патриотизма или державной идеи, которая может разрастаться до великодержавия, мегаломании и мечты о мировом господстве. На пике этой идеи воины обретают колоссальную выносливость, бесстрашие, ярость и ненависть к врагам. Чингизиды в XIII в. за несколько десятилетий завоевали более половины Старого света. Османское «войско Аллаха» три века неистово билось за владычество над миром единой сверхдержавы во главе с Османской династией. Солдаты наполеоновской империи победоносно топтали Европу от Португалии до Москвы. До гипертрофии великодержавия и немыслимой переоценки своего духа дошли вожди Японской империи, которые 6 октября 1941 г. приняли решение о войне против США, Британской империи и СССР, а 15 декабря 1941 г. запланировали раздел Азиатского континента с Третьим Рейхом по 70 градусу восточной долготы (Новая Земля — Омск — Ташкент — Карачи)⁹. Державная идея может сменять мессианскую, или соединяться с ней (в наполеоновской Франции это произошло в 1804 г., в СССР — в середине 1930-х¹⁰), давая абсолютную уверенность в победе. «Мессианский» и «державный» боевой дух не поддаются произвольному формированию (ср. нынешние неудачи с формированием «русской идеи»).

Боевой дух, основанный на любви к Родине, долге, ответственности, товариществе, добросовестности, чести и т.п., можно назвать «моральным». Воспитанию моральных качеств воинов уделялось большое внимание в вооруженных силах всех времен и народов. Высокие моральные стимулы в отдельных случаях могут вызывать такое же самопожертвование, как мессианские и державные, но не могут охватывать всех поголовно. Поднять дух войск внутренними моральными ресурсами трудно. (Сердце М.Д.Скобелева (1843–1882) «второго Суворова», поднимавшего в атаку оробевших путем «отхватывания» ружейных приемов в 45 шагах от противника, оказалось совершенно изношенным от волевого перенапряже-

ния и, может быть, привело его к преждевременной смерти, в отличие от генералиссимуса XVIII в., использовавшего «державный» дух).

Уровень духа, зависящего от организованности и технического состояния армии, квалификации офицерского корпуса, таланта полководца и т.п., можно назвать «милитарным». По сравнению с вышеназванными, его характер очень условен. Необученные, но горящие энтузиазмом ополченцы-республиканцы в 1793 г в битвах при Ондскоте, Мене-не, Ваттиньи били кадровые армии Первой коалиции. С неграмотными фельдмаршалами, вроде А.Д.Меншикова, с сырым офицерским корпусом, когда из военных школ выдергивались недоучки и бросались в битвы, армия Петра Великого разбивала первоклассных шведских генералов, окончивших университеты.

Колоссальным было влияние Наполеона на настроение войск¹¹ и вместе с тем, при никчемных командующих С.Ф.Апраксине, В.В.Ферморе и П.С.Салтыкове, Русская армия, поднимавшаяся к высотам державного духа, громила в 1757-1759 гг. тогдашнего лучшего полководца мира — Фридриха II.

Боевой дух, зависящий от свойств национального характера («национальный»), веками проходит сквозь историю народов¹². Для некоторых народов национальный характер имеет определяющее влияние на воинственность (особенно для горцев — кавказцев, швейцарцев, шотландцев, албанцев, гурхов).

Русский национальный характер сказывался больше на боеспособности армии, чем на боевом духе. Выносливость, непритязательность, исполнительность, терпеливость и храбрость русского солдата часто компенсировали промахи командования. Меньше внимания уделялось отрицательным чертам — неорганизованности, пассивности, неспособности к продолжительному напряжению воли, беспечности и небрежности, отсутствию гражданской дисциплины, нервности, слабой моральной выносливости, влиявшим на состояние воинских частей¹³. Эмоциональная восприимчивость давала большую силу русскому солдату при наличии мессианской или державной идеи, а при их отсутствии нередко приводила к неустойчивой моральной выносливости¹⁴.

Сумма перечисленных выше пяти основных составляющих боевого духа может давать огромное силовое поле, но держаться оно может только ограниченное время — от нескольких лет до нескольких десятков лет (см. ниже).

Описательная военная литература и источники часто грешат эмоциональными искажениями боевых действий. Ввести объективные количественные параметры боевого духа очень сложно. Как правило, боевой дух поднимается после побед, падает после поражений и достигает максимума при расцвете мессианской или государственной идеи. Его провалы наиболее заметны при деморализации общества в периоды смут и распада государства. Об уровне боевого духа может свидетельствовать количество дезертиров, пленных, трофеев, симулянтов и дисциплинарных наказаний.

Умозрительную оценку десятикратного превосходства русских в конце XVIII в. давал А.В.Суворов («Давай нам шесть, давай десять на одного, всех побьем, повалим, в полон возьмем!»¹⁵) и французы после 1789 г., помещавшие на знаменах девиз «Один против десяти».

Определенным показателем является «победная кровь» — наибольший процент потерь, при которых они одерживают победу. Победы немцев в первой половине войны 1870-71 гг. одерживались в среднем при потерях 9%. Во второй половине войны — всего в 2%. Таким образом, падение боевого духа французов во второй половине войны можно было бы оценить в 4,5 раза. «Цена крови, которую войска готовы уплатить за победу, — отмечал Н.Н.Головин, — определяет предел моральной упругости войск»¹⁶.

Косвенным показателем боевого духа является эффективность полевых сражений: чем меньшими силами нанесен больший урон противнику, тем выше эффективность (Э) армии на поле боя.

$$Э = \frac{K}{X}$$

Где К — потери противника убитыми и ранеными,
X — численность своей армии¹⁷.

Эффективность зависит прежде всего от боеспособности армии — качества вооружения, тактики, маневренности, профессионализма и др., и, конечно, от боевого духа. Однако напрямую увязывать с ним эффективность нельзя. При мужественном «отступлении льва» — дивизии генерал-лейтенанта Д.П.Неверовского (7,2 тыс.) в августе 1812 г. к Смоленску, он физически не мог нанести больших потерь войскам Нея и Мюрата (20 тыс.) и эффективность сражения под Красным оказалась такой же низкой, как у французов и баварцев — 7%. При расчете эффективности не учитываются потери пленными.

В некоторой мере боевой дух (Д) может характеризовать отношение «кровавых потерь» к количеству пленных. Чем больше сдалось пленных (П) в сравнении с погибшими и умершими от ран (К), тем ниже моральный потенциал армии

$$Д = \frac{K}{П}$$

Упорно не сдающийся противник (или с низким процентом сдавшихся, высокой «пленоустойчивостью») обладает сильным боевым духом. Так, у некоторых народов пленение — несмываемый позор, которому следует предпочитать смерть. В Бородинском сражении и русские и французы потеряли всего по 1 тыс. пленных (0,85% и 0,79% от численности войск), что свидетельствовало о крайней жесточенности битвы.

Из безвозвратных потерь за время Великой Отечественной войны на 48,9 тыс. пленных итальянцев пришлось 45,0 тыс. убитых и раненых¹⁸, т.е. Д=0,92, а на 2,4 тыс. плененных финнов пришлось 84,0 тыс. убитых и умерших от ран, Д=35. Можно принять, что финны сражались в 38 раз жесточеннее итальянцев.

Однако такой расчет действителен только при большом статистическом материале (за период 1941-45 гг. см. ниже).

Определить количественные параметры боевого духа ратников XV-XVII в. невозможно из-за скудости конкретных данных. Трудно нащупать их и при анализе примерно трех десятков полевых сражений Русской армии в XVIII-XIX вв. Победитель, как правило, не терпел урон пленными, иногда пленным не давалось пощады, иногда исключительная ставка на наступление приводила к чрезмерным кровавым потерям («Три Плевны» в 1877 г.). В связи с этим при нынешнем состоянии вопроса количественные факторы приходится вводить лишь как иллюстративные.

Приемы усиления боевого духа и морального ослабления противника были разнообразны. Для возбуждения мессианского вдохновения проводились молитвенные богослужения, использовались духовные символы (тотемы, астральные знаки, знамена-святыни с религиозной символикой), духовные кличи — «Сергиев!», «С нами Бог!» (у русских), «Аллах акбар» (у мусульман).

Для усиления «державного духа» и государственного патриотизма использовалось идеологическое воспитание (например, превращение мальчиков-христиан в фанатиков-мусульман), государственные награды и поощрения, государственные флаги, полковые знамена, гимны и военные марши. На Бородинском поле дух Русской армии поднимали 4,5 тыс. музыкантов¹⁹. Наполеон говорил, что «Марсельезой» он выиграл несколько сражений; от «имперского клича» «Vive l'Empereur!» у противников, бывало, случалась «медвежья болезнь»²⁰.

Боевой дух возбуждался заклинаниями и ударами кулака или камня в сердце, использованием черепа и сердца поверженного врага в ритуальных целях, боевыми кличами («идти на «ура»), шумовой («турецкой») музыкой (во Второй мировой войне — сиренами на самолетах и танках), а также наркотическими средствами (от ядовитых грибов до алкоголя и наркотиков).

Инстинкт самосохранения блокировался также страхом наказания, угрозой «шельмования» и даже децимацией для бежавших с поля боя (по уставам Петра I). Конные заградительные отряды в античном мире²¹, тыловые замковые шеренги из унтер-офицеров при Фридрихе II, заградотряды во Вторую мировую войну были побудительным стимулом для малодушных.

Врагов устрашали боевой раскраской тела, рогами на шлемах, шкурами леопардов и шумящими крыльями (у польских гусар), медвежьими шапками и парадной формой (особенно в эпоху наполеоновских войн)²². Боевой настрой поднимали даже воздержанием (вспомним Запорожскую сечь) и разлагали пропагандой разврата (распространение чеченцами порнокассет среди солдат РФ в 1995 г.).

До второй половины XX в. для ослабления стойкости можно было воздействовать лишь на «моральную» и «милитарную» составляющие боевого духа. Ныне успешно проводятся операции как по разложению

национально-государственного и мессианского сознания (дискредитацией патриотизма, национальных вождей, героев и святых, например, Александра Невского, под предлогом «поиска исторической правды»), так и по слову национального характера путем внушения чуждых ценностных ориентаций.

* * *

В истории России со времени образования Централизованного государства в XV в. было три кратковременных пика боевого духа — 1550-60-е гг., конец XVIII — начало XIX в. и середина XX в., совпадавших с апогеем государственного патриотизма. Войска, подключенные к суммарному напряжению мессианской и державной идеи, совершали неслыханные подвиги. Четко заметны и скачки боевого духа, совпадавшие, как правило, с победами над соперниками в 1471-78, 1500-03, 1654-67, 1709-14, 1757-60, 1774-1814, 1919-21, 1939-45 гг.

Военная мощь в первую половину царствования Ивана Грозного была следствием державной программы его отца Василия III и деда, Ивана III, за 70 лет (1462-1533) шестикратно увеличивших размеры Русского государства — с 430 тыс кв. км до 2,8 млн кв. км и удвоив население — с 2,0-2,75 млн. чел. до 4,0-4,5 млн чел.²³ Авторитет Великого Московского княжества резко поднялся после разгрома в 1471 г. 40-тысячного новгородского ополчения на р. Шелони шестью тысячами московских ратников, сражавшихся «ако львы», и инкорпорации в 1478 г. Великого Новгорода с его огромными северными колониями. Москва, став фактически независимой от Орды, без сражений, по сути, лишь демонстрацией «силового поля» дворянских ратников, служивших в поместной коннице, отбросила хана Ахмата в 1472 г. от р. Оки и в 1480 г. от р. Угры. Власть и сила московских государей стала исходить не от ордынских ханов, а «от Бога». На 10 лет с 1487 по 1496 г. в вассала Ивана III превратилось Казанское ханство. «Государь Всея (т.е. от Западного Буга до Урала и Северного Ледовитого океана) Руси — так обозначил Иван III свою территориальную программу. При нем Москва приняла и миссию мирового значения — воссоздания центра Вселенского православия вместо погибшего в 1453 г. Константинополя, миссию, которая в первой половине XVI в. сложилась в теорию «Москва — Третий Рим».

В середине XVI в. возглавляемое Иваном Грозным царство, завоевав ядро бывшей Золотоордынской империи вместе с Западным Приуральем и обретя «наследие чингизидов», стало евразийской державой и открыло для себя великий путь к Тихому океану. Боевой энтузиазм при походе на Казань в 1552 г. был необычайным, военачальники даже отказались от местничества. Астраханское ханство без боя сложило оружие перед русской силой. После побед ликовала вся страна²⁴. С 1558 г. войска Руси стали пробиваться через балтийский барьер, развернув громадный, возможно, до 1000 стволов²⁵ артиллерийский парк и наведя «московитский страх» на Европу.

Личная тирания Ивана Грозного в 1565-1584 гг., злодеяния опричнины и поражения в Ливонской войне вызвали спад боевого духа. Рус-

ским ратам предписывалось уклоняться от полевых сражений и защищаться за крепостными стенами. Осенью 1604 г. всего «горстка» — 2,5-4 тыс. сброда Лжедмитрия переправилась через Днепр и русские города почти без сопротивления раскрывали ему ворота. Предел падения боевого духа пришелся на зенит польского экспансионизма — гетман С. Жолкевский с семью тысячами кавалеристов наголову разбил 35-тысячную рать Д. Шуйского под Клушино у Гжатска 24 июня 1610 г. 28 августа 1610 г. бояре целовали крест 15-летнему королевичу Владиславу (1595-1648) и 21 сентября 1610 г. над Москвой и кремлевскими святынями была установлена польская оккупация. В катастрофе Смуты (1605-1613) погибло государство, закончилась история средневековой Руси и народа. При новой династии Романовых начался для России отсчет Нового времени.

* * *

Допетровское время русской истории (1613-1689 гг.) вслед за С. М. Соловьевым и В. О. Ключевским логично отнести к «эмбриональному периоду» романовской империи. Война с Речью Посполитой и включение в границы России украинского очага державности в 1654-1667 гг. вывело русское оружие и боевой дух на уровень польского.

Однако нападение в 1700 г. на Швецию привело к сокрушительному поражению. В Нарвской битве 19 ноября 1700 г. около 12 тысяч русских сложили оружие (36%). 10,5 тыс. шведов сражались в 10 раз эффективнее, чем 24 тыс. русских, принявших участие в сражении. Чтобы поднять воинский дух, Петр I принял тактику «не азардовать» и принимать бой только при 2-4-х кратном превосходстве. Раньше, чем Наполеон, ядром и основной ударной силой Петр I сделал гвардию, которая «держала» силовое поле армии и флота.

В 1709-1714 гг., когда удалось разгромить сухопутное и морское великодержавие Швеции, армия Петра Великого подавила боевой дух скандинавов. В 1713 г. шведы без боя сдали Финляндию, в абордажном гангутском бою 27 июля 1714 г. русские воины, может быть, впервые предвосхитили подвиг «матросовцев», бросаясь грудью на пушечные порты корабля. В 1714, 1719-1721 гг., в период «великого сокрушения Швеции», когда русские десанты высаживались на шведских берегах и около Стокгольма, паника у шведов начиналась еще до появления на горизонте русских галер.

Вместе с тем, дух полтавских и гангутских победителей еще не достиг того зенита, который пришелся на долю их детей и внуков. Полноценные всходы военные реформы Петра Великого дали только тогда, когда сменилось поколение, родившееся в допетровской Руси, когда дворянская поросль приняла на себя часть идеологии имперской державности. В 1757 г. офицерский корпус и армия шли на Пруссию с «огнем военной ревности» и со «всеобщим предубеждением о храбрости и непобедимости русских войск, с уверенностью сокрушить неприятеля и даже «заметать его шапками»²⁶. И хотя в первом неожиданном столкновении при Гросс-Егерсдорфе эффективность битвы была всего 7-8% (т.е. каждая сотня русских выводила из строя 7-8 пруссаков), а эффек-

тивность прусской армии была втрое выше, то при Цорндорфе в 1758 г. эффективность русских была 21%, при Кунерсдорфе в 1759 г. 26%. В последнем случае на 16 тыс. убитых и раненых русских солдат приходилось ничтожное количество пленных — 300 чел.

При Екатерине II «державниками» стали практически все представители дворянства. «Великая духом армия» и флот (А.А.Керсновский), составленные из профессионалов — «чудо богатырей», служивших пожизненно, могли легко форсировать Альпы и на технически несовершенных судах ходить вокруг Европы и бить османов у ворот их столицы. Контраст со временем столетней давности, когда дворянство руководствовалось правилом «дай, Бог, великому государю служить, а саблю из ножен не вынимать» был невообразимым.

Как неграмотная крепостная армия, в которой сибаритствующие офицеры «били солдат мучительно и продавали солдатский провиант, считая роту за деревню»²⁷, и в которой бешеный изверг генерал М.Ф.Каменский (1738-1809) кусал солдат, отрывая у них зубами мясо, стала лучшей в мире, а с 1790-х гг. стала делить эту славу с французской? Лихоимство, кулачные расправы и жестокие телесные наказания (до 1863 г.) прошли сквозь всю историю императорской армии. Но при расцвете дворянской империи помимо «земного» было и «небесное». На подсознании ощущалось, что освященная высшим покровительством царская власть, даже деспот Павел I²⁸, исполняет Божью волю и великую миссию утверждения и расширения границ православного царства (евразийской цивилизации). С настроем «Грома победы», «Никто в мире не одолеет русских» ходили в атаку, бывало хохоча, солдаты, забыв о воровстве начальства, а «расхристанные» офицеры первыми подставляли грудь под свинец, погибая втрое больше солдат (в относительном измерении). Ни в одной армии мира не пели больше, чем в русской — с присвистом, притопом и бубнами.

Вся армия пропиталась «суворовским духом» нанесения максимального урона противнику «штыком, быстротой и внезапностью». Крылатое «пуля (в том числе и противника) дура, а штык молодец» означало готовность «рвать на штыках». Силовое поле русской тяжелой пехоты на расстоянии деморализовывало и опрокидывало шведов, поляков, турок, и его с большим трудом выдерживали французы. И при победе при Нови 5 августа 1799 г., и при поражении при Цюрихе 14-15 сентября 1799 г. эффективность сражения русских составляла 14 и 17%, а погибших и раненых было в 3-3,5 раза больше, чем пленных (у французов эффективность составляла 20 и 17,9%, количество пленных при Нови было втрое больше, чем у русских — 114 чел. на 1 тысячу войск).

В эпоху наполеоновских завоеваний Русская армия не растеряла «суворовский дух». Как признавал Наполеон, ее состояние в 1805-1807 гг. было наилучшим. Однако в Аустерлицком сражении 20 ноября 1805 г. была «конфузия», сравнимая с Иенской катастрофой пруссаков в 1806 г. (при равной у русских и пруссаков эффективности 12 и 11%, и одинаково большом количестве пленных — 243 и 277 чел. на 1 тысячу,

отношение кровавых потерь к пленным было равно низким — 0,8). Такой провал можно объяснить неготовностью отражать тактику лучшего полководца всех времен и народов. (Эффективность наполеоновской армии была тогда наивысшей — 53%). Однако уже под Прейсиш-Эйлау 26-27 января 1807 г. эффективность Русской армии была 27% и почти равна французской — 34%, если принять численность Русской армии не в 83 тыс., а в 68 тыс., как считал генерал-лейтенант и военный историк А.И. Михайловский-Данилевский²⁹.

Суть витавшего над русскими войсками духа точно уловил в 1812 г. фельдмаршал М.Б. Барклай де Толли: «Вас не нужно возвышать к храбрости, вам не нужно внушать о вере и о славе, о любви к государю, к Отечеству своему: вы возрасли и вы умрете с сими блистательными чертами отличия вашего от всех народов»³⁰. Свою боеспособность при отступлении в 1812 г. русские солдаты оценивали выше, чем у армии вторжения³¹. В Смоленском сражении 30-тысячное войско Барклая де Толли, сражаясь с 45-тысячным войском Наполеона, вывело из строя 10 тыс. французов при эффективности русских в 33%. При Бородино 127-тысячная французская армия нанесла громадные (45,6 тыс.) потери 117,5-тысячной регулярной Русской армии, потеряв при этом меньше, всего 30 тыс. Эффективность армии французского императора оказалась 35%, — в 1,4 раза выше русской. Об ожесточенности битвы свидетельствует малое, всего по 1 тысяче с обеих сторон, количество пленных. В среднем эффективность русской армии за 1805-1813 гг. была на уровне суворовских времен.

Никогда в истории России русские императоры не имели лучшей армии³².

* * *

С 1820-х гг. общий ущерб российской государственности привел к оскудению воинского духа. «Мы перестали быть русскими, Бог перестал быть с нами»³³. Армия погружалась в мертвящую казенщину. Отечеством для солдат во второй половине XIX в. снова стала его губерния³⁴. По инерции уверенность в непобедимости не исчезала до 1853-1856 гг. и поддерживалась строевой подготовкой и внешней лихостью. Однако на маневрах стали учить «как укрываться от выстрелов, не брать трудные места, отступать, когда обходят фланги и перед сильнейшим неприятелем»³⁵ а также «есть глазами начальство, орать не своим голосом «рад стараться» с растяжкой в такт шага»³⁶.

Спад духовной силы отразился прежде всего на высших военачальниках. В 1853 г. Русская армия, превышавшая по численности любую армию мира (1 млн. 151 тыс. чел. регулярных и 246 тыс. чел. иррегулярных) нависла над Европой, но действия высшего командования в Восточной войне 1853-1856 г. вопиюще контрастировали с екатерининскими и александровскими временами. Беспощадный анализ ее состояния оставил Л.Н. Толстой в 1855 г.: «Дух угнетения до того распространен в нашем войске, что жестокость есть качество, которым хвастают самые молоденькие офицеры. Засакают солдат, бьют всякую минуту и солдат

не уважает себя, ненавидит начальников... Перед каждым сражением, ... в каждом движении его ... видна мысль: "Не боюсь тебя и ненавижу!" ...Сколько русских офицеров убито русскими пулями... Угнетенный солдат не боится ни физических, ни моральных страданий и оскорблений... смерть для него есть благо... Солдат крадет, грабит, обманывает без малейшего укора совести, дух молодечества русского солдата состоит в пороке... Солдат презирает и не любит свое звание ...Едва ли одна сотая знает грамоту, но, что важнее еще, едва ли знает религию, правительство, организацию войска. Не зная ни событий истории, ни образа правления, ни причин войны, он дерется только под влиянием духа толпы, но не патриотизма... Большинство офицеров имеет одну цель — украсть состояние на службе. Дворянин презирает службу во фронте в армии. В военном обществе дух любви к Отечеству, рыцарской отваги, военной чести, возбуждает насмешку; уважается угнетение, разврат и лихоимство»³⁷.

Черноморский флот в составе 24,5 тыс. чел., 14 линейных кораблей, 6 фрегатов, 16 бригов и корветов, 6 пароходофрегатов и 24 пароходов не организовал «охоты» за парусными транспортами французов и англичан, не воспрепятствовал высадке союзников ни под Варной, ни под Евпаторией. Летом 1854 г. высшее командование не отважилось наступать за Дунаем до соединения французов и англичан с турками, не высадило 16-тысячный десант у Босфора по плану Николая I, не сорвало силами 51-тысячной Крымской армии сложнейшее, за 4 тыс. км от Марселя, десантирование 62-тысячного корпуса союзников в Крыму.

Главнокомандующий в Крыму А.С.Меншиков, боясь попасть в окружение, увел после поражения на р. Альма (эффективность 12,5%, при шестикратном превышении кровавых потерь над пленными — 800 чел.) армию из Севастополя. «Отжившие, усталые и выдохшиеся» (Л.Н.Толстой) генералы боялись рисковать резервами, не создавали перевеса сил в решающем месте и пускали колонны в бой разрозненно. Героическая «Севастопольская страда» держалась исключительно на русском национальном характере. Эффективность сражения на р. Черная 4 августа 1855 г.оказалась низкой — всего 3,6%, при соотношении кровавых потерь к пленным 4,86.

Морально раздавленный тяжелыми потерями в Крыму генерал М.Д.Горчаков, сменивший Меншикова, после штурма союзников 28 августа 1855 г. сжег остатки Черноморского флота, взорвал склады и бастионы и сдал южную часть Севастополя. Непобедимая прежде армия потерпела жестокое унижение.

* * *

Во второй половине XIX в. самодержавие, а вместе с ним и Русская армия продолжали терять энергию: если на полвека зенита Империи 1768-1815 гг. пришлось 48 лет войны, то на шесть десятков (с 1856 г.) лет «обороны» всего 9 военных лет (не считая «неконвенциональных» войн на Северном Кавказе и в Средней Азии). В период «обороны» даже войну «за славян» 1877-78 гг., поддержанную значительной частью общества, верхи старались вести без риска. После неудачного третьего

штурма Плевны 30-31.08.1877 г. растерявшееся большинство военного командования малодушно предлагало отступить за Дунай.

«Упадок воинственности и горячего патриотизма в офицерах... привел армию к... апатии, нелюбви к своей профессии и обратил офицера в военного чиновника — робкого, вялого, без инициативы и с большим страхом ответственности... Все как от чумы разбегаются от родного знамени, которому присягали... Солдат в службе видит только одну тягость — муштру и когда уходит в запас, буйно выражает свою радость криком, свистом и пьяным разгулом»³⁸.

Масштабные реформы военного министра Д.А.Милютина (1861-1881) не только не воскресили в армии «суворовский настрой», но привили ей, по мнению Керсновского, «нестроевой дух». Военно-духовное ведомство с его 353 соборами и церквями, несмотря на солидную материальную поддержку казны, тоже не могло поднять «христолюбивое воинство».

В конце XIX в. уже почти не рождались военные таланты, сыпавшиеся созвездиями в конце XVIII — начале XIX в. Накапливалась отсталость в тактике. Неудачные реформы военного министра П.С.Ванновского («второго Паскевича») в 1882 г. усилили застой в вооруженных силах. Серая служба отбывалась на основании «слушаю», «как прикажете». Разгильдяйство доходило до того, что офицеры в строю появлялись в галошах, а в летние лагеря выбирались как на дачу, с семьями и кухарками³⁹. Назначенцы из гвардии и «академики» из Генштаба в армии почитались гастролерами и снобами.

К войне с Японией общественное мнение и народ были равнодушны. В то время, когда японцы с восторгом готовились идти на смерть за своего микадо-полубога, русская революционная литература рождала пораженчество.

Главкомандующий А.Н.Куропаткин, охваченный «параличем воли», оставлял во время сражений до половины войск в резерве и приказывал «атаковать, но без решимости». Его истовые молитвы в личном вагоне-церкви, посылки на позиции (в подражание Кутузову) иконы Смоленской Божьей матери и священников (часть которых участвовала в боях) и «бешеная» раздача наград (за полтора года солдатских «георгиев» было роздано ок. 80 тыс., больше, чем за весь период войн с Наполеоном, а «золотых сабель» около 600, — больше, чем за 64 года Кавказской войны), не подняли православное воодушевление против «язычников»⁴⁰.

Как и прежде, дух держался на русском характере. Под Ляояном 12-21 августа 1904 г. войска отразили все атаки, не собираясь отступать. 26 сентября 1904 г. под Мукденом Мокшанский полк ходил в атаку с оркестром и развернутым знаменем⁴¹. Во время Мукденского сражения 6-25 февраля 1905 г. русские и японцы сражались при почти равной эффективности (23 и 18,5%), однако соотношение кровавых потерь к пленным было не в пользу русских — 1,6:70 (русские потеряли 30 тыс. пленными, японцы — всего 1 тысячу). Некоторые войсковые части при малом проценте потерь теряли способность вести бой, случались и массовые сдачи в плен⁴². Моральное состояние экипажей 2-й Тихоокеан-

ской эскадры было невысоким. Личный состав не верил в способность пройти на Дальний Восток — так считал вице-адмирал З.П.Рожественский, который надеялся, что только демонстрация морской силы заставит Японию пойти на мир. Контр-адмирал Н.Т.Небогатов позорно сдал 3-ю Тихоокеанскую эскадру, забыв о подвиге крейсера «Варяг».

В 1905-1907 гг. в вооруженных силах произошло 440 выступлений солдат и матросов, в том числе 106 вооруженных⁴³.

Так в начале XX в. «монстры» Японской, Британской, Германской и Французской империй оказались сплоченнее, чем Россия.

* * *

Дорогостоящие военные реформы 1905-1912 гг. технически подняли флот и армию. Стрелковое и артиллерийское дело, строевое обучение было поднято на высокий уровень. Дух кадрового состава попытались подтянуть новой красивой униформой, киверами «под 1812 год», для солдат запроектировали шинели с «разговорами» и суконные шлемы-«богатырки» «под 1612 год». Внешне армия к 1914 г. имела «весь блеск и грозное величие одной из могущественных армий мира⁴⁴. Однако военное воспитание было «невероятным по дикости, нелепости и преступности»⁴⁵. Считалось, что боевой дух неисчерпаем и самодовлеющ. Теория боя строилась на «недопустимо расточительном расходовании крови»⁴⁶. Народ пошел на войну, как ему говорили, «За честь и величие Родины», с инстинктом самосохранения и бессознательного чувства долга, без идеи Родины и веры в правду дела⁴⁷.

Русская пехота традиционно быстро окапывалась, удачно применялась к местности и имела высокий порог жертвенности, позволявший переносить жестокие потери.

На предельную высоту духа, одним чувством долга и чести, поднялись некоторые офицеры. Командир 2-го батальона Л.-гв. Гренадерского полка А.Моравский, подняв песней-маршем солдат на немецкие пулеметы, был смертельно ранен, но приказал нести себя впереди, чтобы воодушевить залегших было grenader⁴⁸. До 400 конных атак (теряя до 50% состава), совершила кавалерия на батарее противника (впереди одной из них скакал мулла, потрясая Кораном)⁴⁹.

Для войны 1914-1917 гг. можно привести тысячи примеров подобной доблести отдельных воинов, батальонов и полков. Несправедливо было бы, вслед за Керсновским, характеризовать высших военачальников с отличной профессиональной подготовкой — Эверта, Рузского, Жилинского, Иванова, Алексеева «слепорожденными»⁵⁰. Общая дряхлость режима не могла наполнить их силой. Когда, например, генерал Бобырь — комендант сильной, с восемью фортами, крепости Новогеоргиевск (при слиянии Вислы с Наревом) после 10-дневной осады бежал к немцам, то находившаяся здесь 83-тысячная группировка войск тут же сдалась в плен.

Отступление 1915 г. и массовые сдачи в плен резко подорвали боевой дух Русской армии. Призыв «Ни шагу назад» не действовал. К осени 1915 г. в живых осталось от 1/3 до 2/5 кадрового состава офицеров⁵¹. Поголовное награждение рядовых георгиевскими крестами только по-

нижало дух. Уже с декабря 1914 г. на Северо-Западном фронте происходили случаи группового дезертирства.

Свержение самодержавия 2 марта 1917 г. вызвало всплеск ликования в стране и волну добровольчества. Под красные знамена на фронт устремились волонтерские «ударные революционные батальоны» «дружины смерти», «батальоны 1 марта» и даже женские батальоны⁵².

Однако вдохновенный приказ Л.Г.Корнилова: «На концах ваших штыков свобода, счастье, величие нашей Родины! В ваших руках — судьба России, окончание беспримерной войны... Будущее Отечества в руках боевых орлов, у которых одно направление, один полет — вперед!»⁵³ не дал результата. Провал июньского наступления усилил распад армии и ее боевого духа. Призыв «Долой войну!» и настроение «мир любой ценой» всколыхнули 1,5-миллионную волну дезертирства. Во многих ротах из 250 чел. оставалось по 40-70 чел.⁵⁴ Дезертиров не оставляли ни военно-полевые (с 3 мая 1917 г.) суды, ни конные заградительные отряды, ни восстановление смертной казни, ни, тем более, введение позорных нарукавных черных повязок. «Ударникам» стреляли в спину и крали их личные вещи, когда они уходили в атаку. На убитых офицерах насчитывали до 14-17 штыковых ран⁵⁵. Свершалось пророчество Л.Н.Толстого 1855 года о будущем мщении солдат, копивших долго презрение и ненависть к офицерству⁵⁶.

Воскресни кадровый офицерский корпус, polegший в 1914-1915 гг., он не смог бы сдержать тектонические сдвиги Великой русской революции.

* * *

XX в. справедливо называют «Русским веком». Русский общенациональный мессианизм, выявившийся на сей раз в облике марксизма⁵⁷, повлиял на весь мир. Мессианская идея освобождения человечества от гнета капитала возродила дух Русской, теперь уже Красной армии, как авангарда мировой революции. Победа в Гражданской войне над Белым движением, не способным выдвинуть равноценной великой идеи, была закономерной.

Через несколько лет после 1917 г. в СССР жил уже «новый» народ с отличной от XIX в. психологией, с обновленным и более могучим государственным (державным) патриотизмом. Мессианский интернационализм к середине 1930-х гг. был оттеснен на второй план. В 1939-1940-х годах среди военнослужащих шли разговоры о Прибалтике, Бессарабии и Польше в границах 1914 г., как «наших территориях» (см. статью М.И.Мельтюхова в данном сборнике).

Сформировался боевой дух, достигший во время Великой Отечественной войны невиданной силы. К 1 июля 1941 г. было подано 5 млн. заявлений от добровольцев с просьбой зачислить в Красную армию (всего за 1941-1945 гг. поступило 20 млн. заявлений⁵⁸). На фронт стремились даже те, кому было отказано — подростки, женщины и люди с тяжелыми заболеваниями. В народные ополчения вступали семьями. Матери, проводив одного-двух сыновей, просили не отказать в разре-

шении младшим, не достигшим призывного возраста, но подавших заявления в военкоматы⁵⁹.

«Да возвеличится Россия, да сгинут наши имена!» — таким был порыв участников парада 7 ноября 1941 г. на Красной площади (как правило, убежденных атеистов)⁶⁰.

Твердая вера, что враг будет разбит, даже если придется сражаться за Уралом, владела миллионами. Священной считалась не только Москва, но вся территория первого в мире «государства рабочих и крестьян»⁶¹.

Невиданное за всю отечественную историю количество пленных в 1941 г. (700 на 1000 чел.⁶² действующей армии), случаи паники и бегства не могут опровергнуть суждения о высоком моральном состоянии Красной армии. Здесь прежде всего сказались стратегические просчеты командования, неожиданность нападения, неумение сражаться в котлах, но главное — психологическая неготовность встречи с незнакомой силой Вермахта, обладавшим чудовищным победно-наступательным духом. (Подобное, как указывалось, случилось в 1757 г. в первом сражении с армией Фридриха II и в первой встрече с Наполеоном в 1805 г.). Вера («милитарный дух») в оружие и командование, ослабленное репрессиями 1937-38 гг., была подорвана подавляющим техническим превосходством противника после первых боев. Дала трещину даже национальная составляющая боевого духа: «при непритязательности, выносливости и невероятной способности к сопротивлению, в критической обстановке красноармейцы теряли стабильность и количество перебежчиков увеличивалось там, где военное положение становилось неблагоприятным»⁶³.

В это время на 1000 немцев приходилось 2 пленных, на 1000 румын — 17,8 пленных⁶⁴.

По кварталам за время войны отношение кровавых потерь к пленным показывало (за исключением I квартала 1942 г. — контрнаступление под Москвой) устойчивую тенденцию повышения: 1941 г. III и IV кв. — 0,14 и 0,35.

1942 г. I—IV кв. — 2,3; 0,44; 0,61; 2,58.

1943 г. I—IV кв. — 3,38; 4,50; 4,86; 4,89.

1944 г. I—IV кв. — 7,87; 5,37; 8,24; 6,98.

1945 г. I—II кв. — 7,98; 8,59⁶⁵.

Пленоустойчивость в первые месяцы войны была в 61 раз ниже, чем в последние, и, тем не менее, это нельзя считать следствием разложения «державной» и «моральной» составляющей боевого духа. В котлах у Вязьмы и Брянска в октябре 1941 г. красноармейцы ели кору и корни деревьев, но не сдавались, политруки не только вдохновляли бойцов, но сами бросались с гранатами под танки⁶⁶. Были случаи, когда солдаты, выходя из окружения, шли на пулеметы без единого патрона с песней, или, не желая сдаваться, прорывались через «коридоры смерти» шириной в 400-250-100 м⁶⁷. На 1 мая 1944 г. из 3281157 чел. советских военнопленных было расстреляно или убито при попытке к бегству 1030157 чел.⁶⁸ Т.е. каждый третий не смирился с пленом.

По сравнению с Первой мировой войной было ничтожно мало дезертиров: на армию в 5-6 млн. чел.: в 1941 г. — 30782; 1942 — 111994; 1943 — 82733; 1944 — 32723; 1945 — 6872 чел.⁶⁹. Т.е. от 0,9% в 1941 до 0,1% в 1945 г.

Высокий дух военного времени держался до середины 1950-х гг. Массовый героизм показали советские моряки в 1955 г. — команда тонущего линкора «Новороссийск» уходила под воду с пением «Варяга» и криками «Прощай, Родина!»⁷⁰.

В период третьей Смуты и катастрофы СССР в 1990-х годах мы были свидетелями распада государственного патриотизма и сознания. О боевом духе военнослужащих РФ свидетельствуют такие данные: 73% тяготеют службой в армии или относятся к ней безразлично, 14% гордятся ею, 13% относятся к ней с интересом⁷¹. В подражание заокеанским учителям командование Российской армии, судя по войне в Чечне, видит залог успеха в материальной силе. И только совсем недавно началось возрождение государственной идеологии, свидетельством чему была Всероссийская научно-практическая конференция «Российский государственный патриотизм: исторические уроки и современность».

¹ В «Военной энциклопедии» Сытина приведено 14 составляющих «воинского духа». Современные авторы выделяют 83 составляющих см.: *Савинкин А.* Духовные качества Российского воинства. Словарь // Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах Российской вооруженной силы. М., 1997. С. 598-615.

² *Ардан дю Пик.* Исследование боя в древние и новейшие времена. Варшава, 1902. С. 61, 74-75, 137, 140-141.

³ *Головин Н.Н.* Мысли об устройстве будущей Российской вооруженной силы. Белград, 1925. С.48.

⁴ *Зыков А.* Опыт военной психологии. СПб., 1895. С. 164-165, 187.

⁵ За три дня до битвы при Иене 14.10.1806 г. в Прусской армии возникла паника, хотя французы были еще далеко. — *Симанский П.* Паника в войсках. М.-Л., 1929. С. 48.

⁶ Устаревший библиографический обзор см.: *Платонов К.И., Коращан В.А.* Военная психология. Указатель отечественной и переводной литературы. М., 1973.

⁷ *Далецкий Ч.Б.* Военная риторика России (Монография). М., 2000.

⁸ *Симанский П.* Паника... С. 54.

⁹ *Черевко К.Е.* Советско-японские отношения (декабрь 1941 — ноябрь 1942) // Япония. Ежегодник. М., 1998. С. 185, 202.

¹⁰ Тогда Сталин планы мировой революции назвал «комическим недоразумением». — *Троцкий Л.* Преданная революция. М., 1991. С. 168.

¹¹ «Я не знаю другого примера в войне, который яснее показал бы, как одна гениальная личность может перевесить и большую численность и моральный дух противника», — говорил один из современников. См.: *Чандлер Д.* Военные кампании Наполеона. М., 2000. С. 553.

¹² О влиянии национального характера на сильные и слабые стороны армий см.: *Энгельс Ф.* Армии мира // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2. М., 1958. Т. 11. С. 436-481. О связи военного дела и национального характера см.: *Артамонов В.А.* Национальный характер и история // *Стили мышления и поведения в истории мировой культуры.* М., 1990. С. 57-60.

¹³ *Домнин И.* «Душа армии». Взгляды русской военной эмиграции // Душа армии... С. 507.

¹⁴ *Helly R.* Enserfment and Military Chance in Moscow. Chicago, 1971. P. 215-218.

- 15 Головин Н.Н. Суворов и его «Наука побеждать». Париж, 1931. С. 47-48.
- 16 Головин Н.Н. Мысли... С. 52.
- 17 Wennerholm J.B.R. Karl XII och Lanchester – ett bidrag till fragan om den karolinska armens effektivitet under Stora Nordiska kriget // Kung. Krigsvetenskapsakademiens Handlingar och Tidskrift. 1998. N 5. S. 91-104.
- 18 Гриф секретности снят. М., 1993. С. 392.
- 19 Шведов С.В. Комплектование, численность и потери Русской армии в 1812 г. // История СССР. 1987. № 4. С.88.
- 20 Троицкий Н.А. 1812 год. М., 1989. С. 147.
- 21 Макиавелли Н. О военном искусстве // Искусство войны. Антология военной мысли. СПб., 2000. С. 83.
- 22 П.Н.Краснов считал, что мундир «с отличиями особого духовного значения» (по сравнению с обезличенной маскировочной одеждой) поднимает доблесть в 2-4 раза. – Краснов П.Н. Душа армии // Душа армии... С. 138.
- 23 Kastanov S.M. Zu einigen Besonderheiten der Bevölkerungssituation Russlands im 16. Jahrhundert // Jahrbucher für Geschichte Osteuropas. 1995. Bd. 43. Hf. 3. S. 321-322, 330-331.
- 24 Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 1999. С. 42-43.
- 25 Прочко И.С. История развития артиллерии с древнейших времен и до конца XIX в. СПб., 1994. С. 47.
- 26 Болотов А.Т. Записки А.Т.Болотова 1727-1796. Тула, 1998. Т. 1. С. 129.
- 27 На дезертиров, бежавших в Польшу, Молдавию и на Волгу, ежегодно заводилось от 449 до 722 судных дел. – Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII в. М., 1979. С. 436-438, 440.
- 28 «Батюшка Никола с нами, и Суворов друг его, Павел-царь ура! Горами сплющим чёрта самого! Целый свет на штык подыдем, а француз лишь черту сват. В ад его, мы в ад закинем, чтоб не стал бурлить опять», – так не пели солдаты ни при первом императоре, ни при последнем – Николае II.
- 29 Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 г. СПб., 1843. Т. 1. С. 342-343.
- 30 Приказ М.Б. Барклая де Толли войскам Западных армий 13.06.1812 г. // Листовки Отечественной войны 1812 г. Сб. докум. М., 1962. С. 21.
- 31 Вильсон Р.Г. Дневник путешествий, службы и общественных событий 1812-1814 гг. СПб., 1995. Запись 22.08.1812 г.
- 32 Для вас, русских, – говорил маршал Ж.Б.Бернадотт (шведский король Карл XIV Юханс с 1810 г.), – нет ничего невозможного; если бы ваш император был честолюбив, вас, русских, пришлось бы убивать каждого особенно, как убивают белых медведей на севере». – Морозов Н.А. Воспитание генерала и офицера как основа побед и поражений // О долге и чести воинской в Российской армии. М., 1990. С. 349. О том же говорил Наполеон: «Дайте мне русского солдата, и я покорю весь мир». – Семенов В.А. Мысли современного офицера // О долге... С. 232.
- 33 Керсновский А.А. Философия войны // Душа армии... С. 372; Керсновский А.А. История Русской армии. М., 1994. Т. 4. С. 331.
- 34 Измestъев П.И. Из области военной психологии. Варшава, 1907. С. 108.
- 35 Д.У.С. (псевдоним). О духе обучения войск // Военный сборник. 1861. Т. 19. С. 68-69.
- 36 Измestъев П.И. Указ. соч. С. 130.
- 37 Толстой Л.Н. Проект о переформировании армии // Собрание соч. в 22 т. М., 1983. Т. 16. С. 400-405.
- 38 Семенов В.А. Мысли... С. 230, 240.
- 39 Гершельман Ф. Распушенность в войсках // Военный сборник. 1908. № 3. С. 97.
- 40 Дружинин К. Исследование душевного состояния воинов в разных случаях боевой обстановки по опыту Русско-японской войны 1904-1905 гг. СПб., 1910. С. 111-112, 115-116; Холманских А.Е. Реформы в Российской армии в период между Русско-японской и Первой мировой войнами (по материалам военной периодики) // Вестник МГУ. 1999. № 2. Сер. 8. История. С. 33.

- 41 *Еремин Г.В.* Мокшанский полк на сопках Манчжурии // Военно-исторический журнал. 1992. № 10. С. 84.
- 42 *Баиов А.* Воспитание армии и идеи графа Л.Н.Толстого // Душа армии... С. 407.
- 43 *Оберучев К.Н.* Офицеры в Русской революции // Военно-исторический журнал. 1998. № 2. С. 96.
- 44 *Попов А.* Философия воинской дисциплины // Душа армии... С. 286.
- 45 *Колесников Н.* О стратегии духа и прежних ошибках // Душа армии... С. 415.
- 46 *Головин Н.Н.* Мысли... С. 27.
- 47 *Верховский А.И.* Россия на Голгофе. (Из походного дневника 1914-18 гг.) // Военно-исторический журнал. 1992. № 10. С. 66; № 11. С. 67, 70.
- 48 *Краснов П.Н.* Душа армии // Душа армии... С. 89-92.
- 49 *Военное дело.* 1918. № 28. С. 20.
- 50 *Керсновский А.А.* История русской армии... Т. 4. С. 180.
- 51 *Чернавин В.М.* Гибель кадровых русских офицеров // Военно-исторический журнал. 1999. № 6. С. 29-33.
- 52 *Солнцева С.А.* Военная символика Февральской революции // Военно-исторический журнал. 1999. № 5. С. 73.
- 53 *Далецкий Ч.Б.* Военная риторика... С. 71.
- 54 *Солнцева С.А.* «Об одном только просим Родину: пусть тыл не забывает фронта...» Армия и гражданское общество России после Февраля 1917 г. // Военно-исторический журнал. 2000. № 5. С. 63-64.
- 55 *Журавлев В.А.* Морально-психологическое состояние Русской армии летом-осенью 1917 г. // Первая мировая война. История и психология. Материалы Российской научной конференции 29-30 ноября 1999 г. СПб., 1999. С. 120-131.
- 56 *Толстой Л.Н.* Проект... С. 401.
- 57 *Лосский Н.О.* Характер русского народа. М., 1990. Кн. 2. С. 51.
- 58 *Синицын А.М.* Всенародная помощь фронту. О патриотических движениях советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941-45. М., 1985. С. 25.
- 59 *Синицын А.М.* Всенародная... С. 19, 40.
- 60 *Соболева Н.А., Артамонов В.А.* Символы России. М., 1993. С. 91.
- 61 «В конечной победе уверены... Били, бьем и будем бить гадов до конца, пока хоть один из них будет на нашей священной земле» – Письмо генерал-майора Д.Г.Егорова семье 26.02.1942 г. // Всероссийская книга памяти 1941-1945. Обзорный том. М., 1995. С. 40.
- 62 Численность Красной армии на 22 июня 1941 г. была 3 334 400 чел., взято в плен до декабря 1941 г. 2 335 482 чел. (52% от всех безвозвратных потерь). См.: Гриф секретности снят... С. 151; По немецким данным, пленено было 3,4 млн. чел. См.: Всероссийская книга памяти... С. 452.
- 63 *Типпельскирх К.* История второй мировой войны. СПб.-М., 1998. С. 311-312.
- 64 *Ренко С.И.* Цена иллюзий // Военно-исторический журнал. 1992. № 4. С. 15.
- 65 Вычислено по безвозвратным потерям по: Гриф секретности... С. 146-147.
- 66 *Всероссийская книга памяти...* С. 104, 451.
- 67 *Гаврилов Б.И.* Трагедия и подвиг Второй ударной армии. М., 2000. С. 204, 214.
- 68 *Всероссийская книга памяти...* С. 452.
- 69 *Маталов Н.А., Пастухов В.В.* Психологические особенности деятельности офицерских кадров по укреплению воинской дисциплины в годы Великой Отечественной войны // Психология великой победы Советского народа. Тверь, 1995. С. 39.
- 70 *Бар-Бирюков О.П.* Черный день линкора «Новороссийск» // Военно-исторический журнал. 1999. № 1. С.57.
- 71 *Далецкий Ч.Б.* Военная риторика... С. 108.